

Старикова Н. В. «Магические» практики в повседневной жизни нижегородских крестьян второй половины XVIII — первой половины XIX веков / Н. В. Старикова, А. В. Шуршикова, Б. А. Ночвина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 410—427. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-410-427.

Starikova, N. V., Shurshikova, A. V., Nochvina, B. A. (2022). “Magical” Practices in Daily Life of Nizhny Novgorod Peasants in Second Half of 18th — First Half of 19th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 410-427. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-410-427. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-410-427

«Магические» практики в повседневной жизни нижегородских крестьян второй половины XVIII — первой половины XIX веков

Старикова Нина Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-6631-0296

кандидат исторических наук, доцент

ninast78@yandex.ru

Шуршикова Анна Владимировна¹

orcid.org/0000-0002-8012-4630

кандидат исторических наук, доцент

annashurshikova@yandex.ru

Ночвина Белла Анатольевна²

orcid.org/0000-0003-0772-9817

кандидат исторических наук, доцент

bella.nochtina@mail.ru

¹ Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

² Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)

“Magical” Practices in Daily Life of Nizhny Novgorod Peasants in Second Half of 18th — First Half of 19th Centuries

Nina V. Starikova¹

orcid.org/0000-0001-6631-0296

PhD in History, associate professor

ninast78@yandex.ru

Anna V. Shurshikova¹

orcid.org/0000-0002-8012-4630

PhD in History, associate professor

annashurshikova@yandex.ru

Bella A. Nochvina²

orcid.org/0000-0003-0772-9817

PhD in History, associate professor

bella.nochtina@mail.ru

¹ Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

² Linguistics University
of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается религиозная культура крестьян Нижегородской губернии в XVIII—XIX веках. Особое внимание уделяется анализу материалов следствий по делам о «ворожбе». Приводятся определения понятий «волшебные дела», «народное православие», «народная религиозность». Охарактеризован половозрастной состав обвиненных в ворожбе. Доказано, что магическими практиками занимались и мужчины, и женщины. Большая часть обвиняемых была старше 34 лет. Предлагается классификация «волшебных» дел Нижегородской губернии. Предметом судебных разбирательств служили лечебные практики (знахарство), применение заговоров для разрешения жизненно важных ситуаций (поиск пропажи, справедливое решение и т. д.), получение предсказаний (гадатели и кликуши), использование предметов и специальных заклинаний для получения собственной выгоды, а также обнаружены дела, связанные с социальным поведением — бегством, дезертирством, попытками избавиться от хозяина или грядущего наказания. Сделан вывод о превалировании «магических» практик, связанных со здоровьем человека или домашнего скота. Представлена авторская реконструкция обстоятельств жизни, приведших обвиняемых к следствию.

Ключевые слова:

ворожба; знахарство; народная религиозность; крестьянство; повседневность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the religious culture of the peasants of the Nizhny Novgorod province in the XVIII—XIX centuries. Particular attention is paid to the analysis of the materials of the investigations in cases of “divination”. Definitions of the concepts “magic deeds”, “folk Orthodoxy”, “folk religiosity” are given. The gender and age composition of those accused of divination is characterized. It is proved that both men and women were engaged in magical practices. Most of the defendants were over 34 years old. A classification of the “magic” deeds of the Nizhny Novgorod province is proposed. The subject of litigation was healing practices (quackery), the use of conspiracies to resolve vital situations (search for loss, a fair decision, etc.), obtaining predictions (fortunetellers and hysterical women), the use of objects and special spells for one's own benefit, as well as found cases related to social behavior — flight, desertion, attempts to get rid of the owner or the coming punishment. The conclusion is made about the prevalence of “magic” practices related to the health of a person or livestock. The author's reconstruction of the circumstances of life that led the accused to the investigation is presented.

Key words:

divination; quackery; folk religiosity; peasantry; everyday life.

«Магические» практики в повседневной жизни нижегородских крестьян второй половины XVIII — первой половины XIX веков

© Старикова Н. В., Шуршикова А. В., Ночвина Б. А. 2022

1. Введение = Introduction

Одной из ведущих тенденций современной исторической науки является интерес к истории ментальности, к тому, как меняется сознание человека в разные исторические эпохи, что его определяет и является основой [Бабаева и др., 2022; Семикопов и др., 2021; Софронова и др., 2020, с. 424—429]. Длительное время в истории человечества мировоззренческие основы эпохи определялись ее религиозной культурой [Устименко, 2017, с. 33—45; Левин, 2004, с. 11—38; Софронова и др., 2021, с. 109—123]. В связи с этим изучение религиозности как основы мышления общества и его отдельных групп представляется весьма актуальным. Одной из черт народной религиозности российского общества стало сочетание православного вероучения и так называемых суеверий, связанных с языческими пережитками. Бытование «магических» практик в российской действительности века Просвещения связано прежде всего с крестьянством. Именно оно, являясь наиболее консервативным слоем русского общества, оказалось практически незатронутым просветительскими тенденциями, став своеобразным носителем так называемого народного православия, под которым авторы статьи понимают синкретизм православного христианского вероучения и пережитков древних языческих культов. Проблема народной религиозности и народного православия является дискуссионной в исторической науке [Лавров, 2000, с. 75—89; Устименко, 2017, с. 33—45; Левин, 2004, с. 11—38; Данилова, 2010, с. 79—81]. Отметим, что религиозность, являвшаяся основой ментальности и культуры крестьянства изучаемой эпохи, имела сложную структуру. В нее входили не только православное вероучение и пережитки язычества, но и принадлежность или сочувствие расколу, различным сектам и т. д. Однако характеристика всех сторон религиозности не является целью исследования, рассуждения по этому вопросу остаются за скобками статьи. В центр исследования помещены сюжеты крестьянского быта, реконструированные на основе анализа материалов «волшебных» следственных дел и характеризующие некоторые аспекты мировоззрения и народной культуры изучаемой эпохи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследованию «колдовских» процессов на материалах российской истории посвящено немало работ. Интерес к этой теме в отечественной исторической науке сформировался еще во второй половине XIX века, когда ученые на архивных материалах Преображенского приказа и Тайной канцелярии изучали роль колдовства в политической истории XVII — начала XVIII веков [Есипов, 1885; Семевский, 1884; Новомбергский, 1907]. Ряд историков, сравнивая западноевропейские процессы над ведьмами и российские «колдовские» дела, приходили к выводу о коренных отличиях этих явлений в России и в Западной Европе ввиду разности их оснований и отсутствия в российской культуре причин для религиозного преследования колдовства [Кантарович, 1990; Горчаков, 1891]. Другие исследователи описывали отношение к колдовству и чародейству в народной среде в разных частях Российской империи, в контексте культуры и быта русского народа [Орлов, 1904; Костомаров, 1860]. В постреволюционное время изучение народной религиозности было на долгое время прервано, что, как справедливо отметил А. С. Лавров, негативно сказалось и на самой исследовательской традиции, и на сохранности, доступности для фиксации и изучения традиционной народной культуры [Лавров, 2000, с. 13]. Обращение к данной тематике возобновилось в 60-е годы XX века. В 1964 году Е. Ф. Грекулов пришел к выводу о наличии в России столь же сурового преследования ведьм и колдунов, как и в Западной Европе [Грекулов, 1964]. Однако данный вывод представляется тенденциозным и неубедительным.

Особое место в советской историографии народной религиозности занимают труды Н. Н. Покровского, который не только существенно расширил источниковую базу проблемы, но и взглянул на нее под новым углом, в связи с общекультурными, социальными и политическими представлениями изучаемого времени [Покровский, 1984]. Большой пласт следственных материалов по духовным делам XVIII века был введен в научный оборот Е. Б. Смилянской. На основе изученного материала она впервые предложила классификацию религиозных преступлений и их типологизацию по сословной принадлежности фигурантов дел [Смилянская, 2003]. Особой заслугой ее исследования стало изучение материалов следствия в тесной связи с общественным сознанием России XVIII столетия. Одной из наиболее значимых работ в области народной религиозности постсоветской исторической науки стал труд А. С. Лаврова [Лавров, 2000], где автор рассмотрел «магические» практики, привлекая материалы «колдовских» процессов Преображенского приказа и Тайной канцелярии, данные этнографических описаний и экспедиций, в контексте анализа общей религиозной ситуации в России 1700—1740 годов не только в народной, но и в дворянской среде, принимая

во внимание политические и экономические процессы изучаемого времени и их влияние на религиозную культуру общества. При этом историк отметил, что для полноты картины необходимо привлекать материал, отложившийся в местных архивах, что позволило бы восстановить динамику развития религиозной культуры российской провинции.

Данная статья представляет обзор и характеристику следственных материалов по «колдовским» делам Центрального архива Нижегородской области. Их основная масса сосредоточена в фондах Совестного суда (№ 133) и Духовной консистории (№ 570) и охватывает период со второй половины XVIII по 40-е годы XIX веков. Не все изученные нами материалы сохранились в полном составе. Некоторые из них не содержат окончания дела. Однако в целом имеющиеся в них данные дают интересный срез народной религиозности указанного периода. Исследование также опирается на законодательные акты о колдовстве, анализ которых выявляет отношение государства к религиозным преступлениям подобного рода.

Методологической основой исследования стали методы источниковедения, с помощью которых осуществлялся поиск, внешняя и внутренняя критика архивных источников. Историко-генетический и сравнительно-исторический методы позволили установить взаимосвязь изучаемого периода с предшествующей эпохой, выявить народное отношение к «магическим» практикам и проследить эволюцию взглядов законодателя на этот процесс. Комплексный анализ указанных источников помог воссоздать картину крестьянской ментальности рассматриваемого периода. В результате исследования некоторые источники впервые вводятся в научный оборот.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Ворожба» в свете памятников права XV—XVII веков

Колдовство, магия, ведовство в обыденном сознании чаще всего соотносятся со Средневековьем — периодом господства образно-чувственного восприятия мира, идеи тесной связи с природой и вместе с тем зависимости от природных явлений. Наступление Нового времени знаменовало собой смену мировоззренческой парадигмы, торжество рационального. Казалось бы, в мире господства разума и просветительской идеологии нет места древним суевериям. Однако российские законодательные памятники Нового времени и материалы судебно-следственных дел доказывают обратное.

Особые черты народной религиозности, отмечаемые многими исследователями, сформировались задолго до наступления Нового времени. Об этом свидетельствуют памятники канонического права XV—XVI веков, описывающие примеры народных гаданий, неодобряемых церковью ритуалов, «бесовских плясок», обращений к предсказателям, попыток за-

щитить себя и близких с помощью имевших особые свойства предметов-оберегов или специальных речевых формул [Послание, 1880, с. 270—276; Стоглав, 1985, с. 308—310, 367—371]. Вплоть до середины XVII века сохранять чистоту православной веры и бороться с распространением в народной среде подобных поведенческих моделей полагалось церкви. Однако уже с середины столетия государство вторгается в традиционно церковную сферу. В указе Алексея Михайловича от 1648 года воеводам вменяется в обязанность следить за моральным обликом населения, применяя батоги [Иванов, 1850, с. 296].

3.2. «Чародейство» в законодательстве Нового времени

По мере реализации Петром I идеи регулярного государства светская власть все больше вмешивалась в прежде исключительно церковную сферу. Колдовство фигурировало в ряде уставов, относящихся к военному законодательству Петра I — в «Уставе воинском» и «Морском уставе». Данные документы применялись не только в военном, но и в гражданском судопроизводстве, о чем свидетельствуют ссылки на них в следственных материалах Духовной консистории и Советного суда [ЦАНО, ф. 133, оп. 121а, д. 40; д. 101; д. 153]. Отдельные части «Устава воинского» — «Артикул воинский», содержащий нормы уголовного права, и «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (принятое название — «Процессы воинские»), регламентировавшее порядок судопроизводства, — имели самостоятельное хождение и публиковались как самостоятельные документы. Так, «Артикул воинский» среди прочих преступлений называет «чародейство», «чернокнижничество», «кружезаговорительство», устанавливая за их совершение наказание от битья шпицрутенами до сожжения [Артикул ..., 1986, с. 329]. Проводилась дифференциация по степени нанесения вреда. В случае причинения серьезного ущерба имуществу или здоровью полагалось сожжение, если же вреда не было, законодатель ограничивался «заключением в железо» и наказанием шпицрутенами. Однако в практике гражданских дел наказания, регламентируемые «Артикулом воинским», практически не применялись.

«Морской устав» строго запрещал колдовство и чародейство. Документ разграничивал наличие или отсутствие злого умысла, при этом называя обращение к «магии» легкомыслием, невежеством и глупостью, определяя, однако, за обращение к колдовству дифференцированное наказание. За однократно совершенное преступление офицеров подвергали штрафам, а рядовых — телесному наказанию, дважды совершенное правонарушение удваивало наказание, в третий раз преступника следовало расстрелять [ЦАНО, ф. 133, оп. 121а, д. 40, л. 11].

Однако при определении наказания судьи руководствовались правилами «Кратких изображений процессов или судебных тяжб», где говорилось,

что в случае невозможности доказательства вины дело следовало закрыть, а обвиняемого отпустить [Там же, л. 10].

Волшебство (чародейство) как особый вид преступления упоминается и в других законодательных памятниках XVIII столетия. Однако при этом усиливается тенденция смягчения наказания ввиду незначительности ущерба, а также в связи с отсутствием неоспоримых доказательств вины подсудимого. Царский указ от 25 мая 1731 года запрещал «чернокнижничество и чародейство». «Волшебников» полагалось казнить «через сожжение» [Указ..., 1830, с. 465—466], а тех, кто прибегал к их услугам, — бить кнутом. Однако на практике если человек признавал свою вину без допросов, то его наказание ограничивалось только покаянием [ЦАНО, ф. 133, оп. 121а, д. 40, л. 12]. Можно отметить, что, с одной стороны, в указе присутствует типичная просветительская мысль о том, что колдовство — это обман простого народа мошенниками, действующими в корыстных целях. Но, с другой стороны, подчеркивалось, что эти обманщики не только наносят урон кошельку своих жертв, но и губят их души.

Отношение государства к народным «магическим» практикам продолжало меняться во время правления Екатерины II, что нашло отражение в реформе судебной системы. Императрицей был учрежден специальный судебный орган — Совестный суд, в компетенцию которого входил разбор преступлений, совершенных безумными, малолетними, а также дела «колдунов или колдовства» [Учреждения..., 1830, с. 229—287]. В этом документе чародейство и прочие «магические» практики также определялись как обман, глупость и невежество, а сам принцип работы нового судебного органа был ориентирован на милосердие. Практика изученных нами «волшебных» дел, рассматриваемых Нижегородским Совестным судом, свидетельствует о предпочтении судей обращаться к штрафам и «духовным» наказаниям, за наложением и исполнением которых следила консистория. Таким образом, проанализированные нами законодательные акты иллюстрируют эволюцию отношения законодателя к бытованию в народной среде «волшебных» практик от ужесточения наказания в конце XVII — начале XVIII столетия (внедрение системы штрафов, битье батогами, шпицрутенами) до его смягчения во время царствования Екатерины II в сторону воспитательных практик и церковного покаяния.

3.3. Религиозность и «магические практики» нижегородских крестьян по материалам судебно-следственных дел

Рассмотрение светским судом «волшебных» дел не отменяло участие в них церкви. В специальном Сенатском указе от 4 сентября 1722 года, адресованном Святейшему Синоду, был определен круг дел, подсудных церкви, а также порядок их рассмотрения. В частности, это дела «ерети-

ческие, богохульные, раскольные, волшебные» и семейные (нарушение брачного возраста, степени родства, прелюбодеяние, незаконные браки, незаконнорожденные и т. д.) [Святейшему Синоду ..., 1830, с. 765]. Рядом петровских, а также последующих указов церковным инквизиторам (благочинным, духовным фискалам) вменялось в обязанность следить за благочестием вверенной им территории. Каждое полугодие епархии должны были подавать в Синод сводные данные от приходов: «есть ли в приходе какое суеверие и не имеется ли притворно юродцев и есть ли колдуны и невидительственные мощи и прочие суеверия» [ЦАНО, ф. 570, оп. 554, д. 15, л. 1]. В рапортах местных духовных правлений встречаются интересные сведения. В рапорте Лысковского Духовного правления за декабрь 1766 года указано, что, по словам местного священника, есть «притворный юродец» крестьянский сын Михаил Гребенщиков, принадлежащий ведомству экономии. Особенно отмечено, что священник не сразу сообщил об этом. К делу приложена справка из приказного стола, в которой описан случай, навлекший на крестьянина подозрение. Во время молебна Михаил Гребенщиков вдруг стал ругать священно- и церковнослужителей «противностным неведомо от какого случая и чего б воизумлении назвал их... бездомными собаками», при этом ударив священника [ЦАНО, ф. 570, оп. 554, д. 219, л. 8]. В рапорте имеется приписка о том, что Нижегородская Духовная консистория инициировала следствие по данному рапорту, однако других свидетельств об этом деле в фонде консистории пока не обнаружено.

Священников, вовремя не донесших о наличии в приходе кликуш, юродивых или бытовании суеверий, вызывали в Духовную консисторию для расследования. Духовный Регламент и Синодский указ от 25 ноября 1737 года за недоносительство предписывали «извержение от сана», битье плетью и определение в тяжелые монастырские работы на год [О пресечении..., 1830, с. 361—364]. Для наступления столь суровых последствий было необходимо «достаточное доказательство» вины. Применяемые на практике наказания носили иной характер. В декабре 1761 года Духовной Преосвященного Феофана епископа Нижегородского и Алатырского консисторией за «необъявление кликуш... для предосторожности и смотрительства впредь» тюремным заключением на сутки был наказан иерей села Горбатова Сергей Тимофеев [ЦАНО, ф. 570, оп. 554, д. 71, л. 3 об.]. Это дело о кликуше сохранилось довольно полно. В его состав входит челобитная дьякона Наума Федорова, инициировавшая следствие, опросы самого дьякона, попа Сергея Тимофеева, крестьянской вдовы Дарьи Ивановой, заключение консисторского суда. Кроме того, к делу относятся две отдельно хранящиеся промемории — переписка между Духовной консисторией Нижегородской епархии и Суздальским Спасо-Ефимовским

монастырем, которому принадлежали фигурирующие в деле крестьяне. Суть произошедшего заключалась в следующем. 1 августа 1761 года иерей Сергей Тимофеев и дьякон Наум Федоров совершали водосвятный молебен в селе Горбатово Павловской пятины Нижегородского уезда, принадлежавшем Суздальскому Спасо-Ефимовскому монастырю. После молебна к ним подошли три крестьянки, проживавшие в Мещерской слободке того же села, и рассказали, что вдова крестьянина Ивана Никитина, Дарья Иванова, проживающая в той же слободке, не была на молебне, поскольку в это время «запершись в своем доме кликала». Через несколько дней поп Сергей вместе с дьяконом Наумом пришли к вдове, чтобы расспросить ее о кликушестве. В челобитной дьякона Наума Федорова сказано, что вдова во всем призналась. Дарья Иванова рассказала отцу Сергию, что делает это не специально, а для того, чтобы излечиться от кликания: она рвет траву с могил, делает из нее отвар и пьет его. Горшок с топленой в воде травой был найден в ее печи. Сергей хотел доложить обо всем услышанном в Павловское духовное правление, однако не сделал этого. Через некоторое время он уехал в село Сазоново той же пятины. В этот же день дьякона Наума Тимофеева схватил приказчик села Горбатово Матвей Окользин, которому помогал крестьянин Василий Карпов и «бранил... всякой смертной бранью и ударил по виску...и ухватя за волосы вытащил в сени... и клюшкой... прутком железным... бил по плечам и рукам смертно» [Там же, л. 16]. Такое жестокое обращение со стороны приказчика было вызвано тем, что, по его мнению, священники нарушили субординацию: о случившемся нужно было доложить сначала ему, приказчику, представителю власти, а не «делать явок» в суд. Тем не менее оскорбленный дьякон написал челобитную в консисторию. Расследование длилось до конца декабря 1761 года. Все это время главные подозреваемые — крестьянка Дарья Иванова и иерей Сергей Тимофеев — содержались в тюрьме. В ходе следствия были опрошены приказчик Окользин, вдова Дарья Иванова, сельские обыватели, священники. Дарья была допрошена дважды: в присутствии консистории и «за сумнительством о ней в деле и с подлинной правды под сечением плетью спрашивана» [Там же, л. 8]. Оба раза вдова давала одни и те же показания. Она рассказала, что никогда не кликала, колдовства и волшебства не знает, ежегодно исповедуется и причащается. Ее оговорили соседки по злобе, потому что «у них завсегда бывает пососедски брань и немалая». Причиной последней ссоры стало сватовство к старшей из четырех дочерей соседки — Спиридоны Ивановой. Вдова узнала, что ее сватал близкий родственник, что было запрещено церковными законами. Видимо, в отместку соседки и оговорили Дарью. Найденная в печи трава (по словам обвиняемой) называется придорожной. Крестьянка рвала ее не

с могил, а у дороги. Травя помогала ей от сердечной болезни, из-за которой та не была на водосвятном молебне. При этом Дарья сослалась, что об этой ее болезни и лечении известно приказчику Матвею Околызину. Хорошую репутацию крестьянской вдовы подтвердили деревенские обыватели, среди которых были сотский Тимофей Михайлов и выборный Терентий Алексеев, а также сокамерники Дарьи Ивановой, видевшие ее ежедневно во время следствия. За недоказанность вины крестьянку отпустили на место ее жительства. Приказчика Матвея Околызина допрашивали в Суздале. Он показал, что «женке Дарье вышепоказанную траву топить и пить не приказывал, есть ли такая трава и от чего оную пьют он не знает, и никакими травами никого никогда не лечил и волшебства за собой не знает» [ЦАНО, ф. 570, оп. 554, д. 119, л. 1—2]. Власти монастыря вынесли приговор о его невиновности. По поводу нанесенных дякону побоев отметили, что расследовать этот случай нужно в другом судебном разбирательстве, куда Наум Федоров и должен обратиться, если пожелает. Из материалов дела видно, что «самовымышленные к поколебанию простого народа суеверия» воспринимались крестьянами как вполне реальный и достаточный повод свести счеты со своими недругами. Сама возможность использовать «магию» не вызывала сомнений среди крестьян. В деле «О привлечении к ответственности кликуш» 1772—1773 годов они, как и чародеи, прямо названы «злоумышленными обманщиками». Содержащаяся в деле отсылка к следствию Устюжского духовного правления, фигуранты которого не только признали свою вину, но и показали, что отреклись от Бога, сняв и выбросив крест, и были уверены во вредоносных свойствах своих «чар», свидетельствует о том, что подобные явления воспринимались как вполне обыденные, привычные крестьянскому миру. Поэтому духовным лицам вменялось в обязанность «благоразумными и учительными увещаниями от таковых отводить и доходить... до истиной причины их вымысла» [ЦАНО, ф. 570, оп. 555, д. 9, л. 5 об.].

Наиболее распространенной «магической» практикой в крестьянской среде было знахарство [ЦАНО, ф. 135, оп. 121а, д. 40; оп. 121, д. 183; д. 101; д. 77 и др.]. Сельские обыватели верили, что наговорами можно было как излечить, так и «испортить» живое существо. В 1774 году по промемории из Рязской воеводской канцелярии Саранское Духовное правление искало информацию о крестьянской девке Федосье Михайловой, обвиняемой в порче своей хозяйки, жены подпоручика Герасима Лукина. Правление предоставило выписку из метрической книги о том, что обвиняемой 15 лет и что она выбыла из прихода. Подробностей обвинения и решения по делу в указанных материалах не содержится [ЦАНО, ф. 570, оп. 555, д. 264, л. 1].

Иногда дела по обвинению в знахарстве и порче были тесно связаны с совершенно иными преступлениями. В 1764 году крепостную крестьянку Анну Миронову обвинили в порче жены коллежского регистратора Андрея Протопопова [ЦАНО, ф. 570, оп. 554, д. 166]. Причем инициировал обвинение сам муж «испорченной» женщины. Однако при изучении материалов оказалось, что дело вовсе не в порче. Анна Миронова стала крепостной коллежского регистратора, когда вышла замуж за его дворового человека Степана Ферапонтова. Как и ее муж, служила хозяевам верой и правдой «со всяким послушанием». Однако ее муж не был доволен жизнью у Протопопова. Он говорил жене, что ранее принадлежал другому помещику, а коллежскому регистратору был подарен его свойственником. Степан Ферапонтов надеялся изменить положение своей семьи, подав в Нижегородскую канцелярию донос, утверждавший, что он не является собственностью Протопопова. Написать это письмо ему помогла жена, которая нашла в городе грамотного молодого человека — «неведомого школьника». Степана задержали в Нижегородской губернской канцелярии до выяснения обстоятельств дела. Естественно, коллежский регистратор узнал о происходящем. Он обвинил Анну Миронову в краже сарафанов и кокошников, а когда у той при обыске нашли медвежий коготь, мускатный орех, корень имбиря, «сазаний зуб» и «траву белину», еще и в порче своей жены, поскольку та не могла иметь детей. Анну допрашивали в Нижегородской Духовной консистории и в Совестном суде, где она показала, что сарафаны и кокошники получала от «работы своей», а также от хозяйки. После того, как ее муж был посажен под караул, она была вынуждена продать свое имущество на нижнем базаре, чтобы кормить мужа. По поводу найденных корений крестьянка пояснила, что мускатный орех и имбирь дала ей хозяйка от «животной скорби». Сазаний зуб помогает при лихорадке, а белина — от зубной боли, их она получила от жены Бориса Михайлова, крестьянина Благовещенской слободы. Медвежий коготь Анна сама отрезала от хозяйской медвежьей шкуры, чтобы лечить лихорадку. Все это «держала она не для какого злодейства к человеческому смертному яду, но только ко излечению вышепоказанных болезней» [ЦАНО, ф. 570, оп. 554, д. 166, л. 5]. Бедную дворовую крестьянку допрашивали с «пристрастием» «под плетью», но она не изменила показаний. Духовное ведомство не нашло достаточных оснований для обвинения в порче, дело Анны Мироновой вместе с самой обвиняемой вернули в Нижегородскую полицмейстерскую канцелярию для выяснения обстоятельств кражи.

С похожими обстоятельствами было связано дело по обвинению в ворожбе крестьянской женки Настасьи Ивановой, рассматриваемое в 1837 году в Совестном суде [ЦАНО, ф. 133, оп. 121а, д. 119]. Следствие

было начато в Макарьевском уездном суде. Дворовый человек Василий Яковлев потерял 14 830 рублей, принадлежащих его госпоже. Естественно, что его обвинили в сокрытии столь крупной суммы. Василий Яковлев не мог объяснить, ни при каких обстоятельствах он потерял деньги, ни как они были украдены. Тогда другой крепостной, Григорий Алексеев, поехал в родную деревню Яковлева, чтобы ворожить о пропаже. Местная крестьянка Настасья Иванова обещала «начитывать на нашедшего деньги то-скливый стих для того, чтобы он деньги сам подбросил» [Там же, л. 4 об.]. Поскольку в деле присутствовал факт ворожбы, к следствию приобщили Духовную консисторию и Совестьный суд. Настасья Иванова была «с увещеванием священниками спрашивана» и показала, что ворожбы не знает и о потерянных деньгах не ворожила, более того, Григорий Алексеев к ней не приезжал и она его совсем не знает. Муж, дети и 4 снохи подтвердили ее показания. Повальный обыск, опрос односельчан в количестве 11 человек не прояснил ситуацию. Сельские обыватели не смогли ни подтвердить, ни опровергнуть ее слова, поскольку не видели Алексева. Суд учел репутацию крестьянки: «На исповеди и у святого причастия бывает, грамоте не умеет, в штрафах, под судом и в публичных наказаниях не бывала» [Там же, л. 7]. Произведенный повальный обыск подтвердил хорошую репутацию Настасьи. Совестьный суд освободил крестьянку от следствия. Судьбу дворового Яковлева по материалам данного дела установить невозможно.

В случае начала эпидемии, когда люди умирали от «неведомо какой болезни», местных жителей охватывала паника. Они пытались найти объяснение этим трагическим случаям, и наиболее вероятным и понятным вариантом для них была ворожба. Тогда подозрение падало на кого-то из односельчан, порой даже на лицо духовного звания [ЦАНО, ф. 133, оп. 121, д. 111]. В 1832 году за короткое время от неизвестной болезни умерли 4 женщины села Елховка. Тогда сельские обыватели вспомнили о слухах, ходивших о местном дьяконе, будто он лечил людей, наговаривая на воду или вино. Селяне сделали вывод, что, если мог лечить, то мог и, наоборот, насыщать болезни. Они подали прошение с просьбой перевести дьякона на другое место.

В некоторых случаях дела о ворожбе были связаны с бегством или «самовольной отлучкой» крестьян. В сентябре 1828 года крестьянка Пелагея Федотова, 23 лет, проживавшая вместе с мужем в доме свекра, ушла из деревни. О побеге было своевременно доложено в Лукояновский уездный суд. Через полгода крестьянка сама вернулась домой. На следствии она рассказала, что ушла из-за болезни, узнав, что в селе Рождественка живет слепая девка, Аграфена Никитина, умеющая лечить наговорами на воду. В доме ее отца Пелагея жила, помогая смотреть за детьми, а слепая ее лечила, окачивая заговоренной водой. Естественно, что ни Аграфена, ни ее

семья вины не признали, утверждая, что «ворожбы не знают». Более того, жители деревни заявили, что не видели Пелагеи Федотовой. В результате Аграфену от следствия освободили, а Пелагею наказали 10 ударами плетью [ЦАНО, ф. 133, оп. 121, д. 102].

Известны случаи «лечения» людей с использованием киновари и медного купороса [ЦАНО, ф. 176, оп. 94а, д. № 171]. Тогда суд учитывал степень причиненного здоровью вреда. Ситуацию могло усугубить наличие у обвиняемого «гадательных», или «заговорных», тетрадей, особенно если в них встречались списки с «раскольничьих книг» или фигурантами являлись лица духовного сословия [ЦАНО, ф. 570, оп. 555, д. 174; д. 156; ф. 570, оп. 554, д. 181]. Так в 1797 году было заведено два дела на священников Михаила Федорова и Алексея Иванова. Первого обвинили в хранении тетрадей с заговорами, а второго — в их написании. Алексей Иванов признался, что писал тетрадку «в осьмушку ... со старинной тетрадки, найденной им после умершего деревни Ушаково крестьянина» [ЦАНО, ф. 570, оп. 555, д. 156, л. 25]. Два года священник хранил тетрадь, читал, думая, «не будет ли ему от нее какой пользы», а затем отдал своему племяннику Михаилу Федорову. Во время розыска выяснилось, что Алексей Иванов уже бывал под следствием, но его оправдали. Это могло бы стать отягчающим обстоятельством, однако по манифесту 1801 года оба обвиняемых попали под амнистию и были освобождены.

Применение сильнодействующих веществ, испорченная репутация, сопряжение ворожбы с обвинением, в побеге или краже приводили к более суровым наказаниям — порке плетью или розгами, заключению сроком на год, тяжелым монастырским работам [ЦАНО, ф. 176, оп. 94а, д. 171; ф. 133, оп. 121, д. 102]. При этом «магические» действия трактовались законом как обман, невежество и глупость. Однако в представлении простого народа «чародейство» являлось вполне реальным и зачастую единственным доступным способом разрешения сложной ситуации, будь то болезнь, потеря чего-либо, защита или привлечение удачи. Именно поэтому в крестьянских делах обвинения в уголовных преступлениях часто сопутствовали «ворожбе», «кликанию» и другим «чудесам».

На тесную связь православного вероучения с дохристианскими культами в народном мировоззрении указывают тексты заговоров. Преимущественно они являлись смесью обращения к христианским святым и силам природы. Их содержание наполнено молитвенными формулами — «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь» — и поэтическими былинными образами: «океан-море», «бел-горюч камень», «чистое поле», «столы дубовые», «еда сахарная и пойла медвяные», «пещера огненная». В качестве защитников, противостоящих болезни, выступали святые отцы, чудотворцы, Ми-

хаил-архангел, евангелисты. Сами болезни имели антропоморфные черты, например: «босые простоволосые жены». Высшие силы применяли к ним физическое воздействие, доступное человеку: «зарезет тебя» (о лихорадке), «били их прутьями железными» (о болезнях). В заговорах использовалась магическая формула, в которой вместо языческих богов упоминалась сила христианской веры: «заградят тебя ... именем господним». Но, с другой стороны, упоминались в заговорах и иные «преграды»: «положит тебя под бел горяч-камень, засыплет тебя хрящами и занесет тебя песками» [ЦАНО, ф. 135, оп. 121а, д. 40, л. 1—2; РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 789, л. 2].

4. Заключение = Conclusions

Анализ судебной практики «волшебных» дел Нижегородской Духовной консистории и Нижегородского Совестного суда показал в целом соответствие типологии аналогичных дел, расследуемых в столице. Предметом судебных разбирательств служили использование природных компонентов и речевых формул для лечебных (или наоборот) практик, или знахарство, применение заговоров для разрешения жизненно важных ситуаций (поиск пропажи, справедливое решение и т. д.), получение предсказаний (гадатели и кликуши), использование предметов и специальных заклинаний для получения собственной выгоды, а также обнаружены дела, связанные с социальным поведением — бегством, дезертирством, попытками избавиться от хозяина или грядущего наказания. Однако в изученных нами следственных материалах не обнаружено дел, связанных с любовной магией или с политическими мотивами. Недостаток первых объяснить сложно, а отсутствие вторых вполне объяснимо достаточной удаленностью от столицы, а следовательно, от власти.

Можно сделать вывод о превалировании «магических» практик, так или иначе связанных со здоровьем человека или домашнего скота. Половозрастной состав «ворожей» и «колдунов» неоднороден. Обладать «магическими» знаниями одинаково могли как женщины, так и мужчины. При этом возраст «ворожей» в большинстве случаев — от 35 лет и старше, то есть зрелый. Пожалуй, в изученных нами материалах только дважды встречалось указание на более молодой возраст женщин: Федосья Михайлова 15-ти лет и слепая Аграфена, возраст которой не указан прямо, но следствие применило к ней термин «девка», обозначив место жительства в отцовском доме, что указывает на ее незамужний статус. Можно предположить, что это могло быть связано с достаточно молодым возрастом (до 25 лет) либо со слепотой, которая в то время не способствовала вступлению в брак. Вдовство также не являлось решающим показателем для наделения человека «волшебными» свойствами. В делах с одинаковой ча-

стотой фигурируют вдовы или вдовцы и семейные люди. Для более точных выводов о демографии «волшебных» дел необходимо продолжить исследование и сбор статистических данных.

Устойчивость отдельных элементов дохристианской обрядности в народной среде, их органическое вплетение в повседневные практики русского крестьянства, несомненно, связаны с особенностями быта и организации хозяйственной деятельности. Отсутствие медицины и санитарных норм, тяжелый труд, низкий уровень жизни, жилище и ритм жизни, не меняющиеся веками — все это способствовало консервированию издавна укоренившихся норм бытового поведения, формированию особой ментальности и религиозности. Нельзя обойти вниманием роль социально-политических факторов в этом процессе. Однако для более детальных выводов требуется дальнейшее изучение темы.

Источники и принятые сокращения

1. *Артикул воинский*. Российское законодательство X—XX вв. : в 9 т. — Москва : Юридическая литература, 1986. — Т. 4. — С. 327—365.
2. *О пресечении суеверий*. Синодский указ от 25 ноября 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. 10. — С. 361—364.
3. *Послание митрополита Фотия 1410 г.* / Русская историческая библиотека. Памятники Древнерусского канонического права. — Санкт-Петербург, 1880. — Т. 6. — Ч. 1. — С. 270—276.
4. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов*. Ф. 7 (Преображенский приказ, Тайная экспедиция и Тайная канцелярия). Оп. 1. Д. № 789.
5. *Святейшему Синоду указ от 4 сентября 1722 года* // Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. 6. — С. 765.
6. *Стоглавый Собор* / Российское законодательство X—XX веков. — Москва : Юридическая литература, 1985. — Т. 2. — С. 241—402.
7. *Указ от 25 мая 1731 г. О наказании за призвание волшебников и о казни таковых обманщиков* // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. 8. — С. 465—466.
8. *Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 г.* / Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. 20. — С. 229—287.
9. ЦАНО — *Центральный архив Нижегородской области* Ф. 133 (Совестный суд) Оп. 121а, Д. 40 ; Д. 63 ; Д. 101 ; Д. 153 ; Д. 119 ; Оп. 121, Д. 77 ; Д. 83 ; Д. 101 ; Д. 102 ; Д. 111 ; Ф. 570 (Духовная консистория). Оп. 554, Д. 15 ; Д. 71 ; Д. 119 ; Д. 166 ; Д. 181 ; Д. 219 ; Оп. 555. Д. 9 ; Д. 156 ; Д. 174 ; Д. 264.
10. ЦАНО — *Центральный архив Нижегородской области* Ф. 174 (Нижегородская губернская палата уголовного суда) Оп. 94а. Д. № 171.

Литература

1. *Бабаева А. В.* Репрезентации «человеческой исключительности» в культурном потоке Нового времени [Электронный ресурс] / А. В. Бабаева, Н. В. Шмелева // Вестник Мининского университета. — 2022. — № 1 (10). — Режим доступа : <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1334/877> (дата обращения 21.08.2022).
2. *Горчаков М. И.* Инквизиция в восточной церкви / М. И. Горчаков // Юридическая летопись. — 1891. — № 12. — С. 491—504.
3. *Грекулов Е. Ф.* Православная инквизиция в России / Е. Ф. Грекулов. — Москва : Наука, 1964. — 168 с.
4. *Данилова А. И.* Традиции двоеверия в русском православии / А. И. Данилова // Теория и практика общественного развития. — 2010. — № 4. — С. 79—81.
5. *Есипов Г. В.* Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского приказа и тайной канцелярии / Г. В. Есипов. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1880. — 445 с.
6. *Забылин М.* Русский народ. Обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Репринт. воспроизведение изд. 1880 г. / М. Забылин. — Москва : Институт русской цивилизации, 2014. — 688 с. — ISBN 978-5-4261-0096-1.
7. *Иванов П. И.* Описание государственного архива старых дел / П. И. Иванов. — Москва : Типография С. Селивановского, 1850. — С. 296—299.
8. *Канторович Я. А.* Средневековые процессы о ведьмах. Репринт. воспроизведение изд. 1899 г. / Я. А. Канторович. — Москва : Книга, 1990. — 221 с. — ISBN 5-212-00575-2.
9. *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Н. И. Костомаров. — Санкт-Петербург : Типография К. Вульфа, 1860. — 214 с.
10. *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России 1700—1740 гг. / А. С. Лавров. — Москва : Древлехранилище, 2000. — С. 75—89.
11. *Левин Ив.* Двоеверие и народная религия в России / Ив Левин. — Москва : Индрик, 2004. — 216 с. — ISBN 5-85759-284-4.
12. *Новомбергский Н. Я.* Врачебное строение в допетровской Руси / Н. Я. Новомбергский. — Томск : Паровая типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1907. — 502 с.
13. *Орлов М. А.* История сношений человека с дьяволом / М. А. Орлов. — Санкт-Петербург : Типография П. Ф. Пантелеева, 1904. — 344 с.
14. *Покровский Н. Н.* Путешествие за редкими книгами / Н. Н. Покровский. — Москва : Книга, 1984. — 192 с.
15. *Семевский М. И.* Очерки и рассказы из русской истории. Слово и дело! / М. И. Семевский. — Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1884. — 382 с.
16. *Семикопов Д. В.* Европа как «другой» русского историософского сознания : от средневековья к модерну / Д. В. Семикопов, А. А. Захряпин // Вестник Мининского университета. — 2021. — № 1 (9). — Режим доступа : <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1189/826> (дата обращения 23.08.2022).
17. *Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики : народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. / Е. Б. Смилянская. — Москва : Индрик, 2003. — 462 с. — ISBN 5-85759-250-X.
18. *Софронова Л. В.* «Великий переход» Брюса Кэмпбелла : модель глобального средневековья / Л. В. Софронова, А. В. Хазина // Диалог со временем. — 2020. — № 73. — С. 424—429.

19. Софронова Л. В. Эразм Роттердамский о религиозном расколе в Богемии (1518—1519) : Concordia vs Tolerantia / Л. В. Софронова, А. В. Хазина // Диалог со временем. — 2021. — № 77. — С. 109—123. — DOI: 10.21267/AQUILO.2021.77.77.007.

20. Устименко А. Л. Народная религия Руси : «между» язычеством и православием / А. Л. Устименко // Ценности и смыслы. — 2017. — № 2 (48). — С. 33—45.

Material resources

Central Archive of the Nizhny Novgorod region F. 133 (Conscience Court) Op. 121a, 40; 63; 101; 153; 119; Op. 121, 77; 83; 101; 102; 111; F. 570 (Spiritual Consistory). Op. 554, D. 15; D. 71; D. 119; D. 166; D. 81; D. 219; Op. 555. D. 9; D. 156; D. 174; D. 264. (In Russ.).

Central Archive of the Nizhny Novgorod region F. 174 (Nizhny Novgorod Provincial Chamber of the Criminal Court) Op. 94a. D. № 171. (In Russ.).

Decree of May 25, 1731 On the punishment for the calling of magicians and the execution of such deceivers // *The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The First Meeting*, 8. (1830). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 465—466. (In Russ.).

Institutions for the administration of provinces from November 7, 1775 // *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1*, 20. (1830). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 229—287. (In Russ.).

Military article. Russian legislation of the X—XX centuries: in 9 volumes, 4. (1986). Moscow: Legal Literature. 327—365. (In Russ.).

On the suppression of superstitions. Synod Decree of November 25, 1737 // *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*, 10. (1830). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancery. 361—364. (In Russ.).

Russian State Archive of Ancient Acts. F. 7 (Preobrazhensky order, Secret expedition and Secret Chancery). Op. 1. D. № 789. (In Russ.).

The Hundred—Domed Cathedral / Russian legislation of the X—XX centuries, 2. (1985). Moscow: Legal Literature. 241—402. (In Russ.).

The Message of Metropolitan Photius 1410 // *Russian Historical Library. Monuments of Ancient Russian canon law*, 6 (1). (1880). St. Petersburg. 270—276. (In Russ.).

To the Holy Synod decree of September 4, 1722 // *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*, 6. (1830). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancery. P. 765. (In Russ.).

References

Babaeva, A. V., Shmeleva, N. V. (2022). Representations of “human exclusivity” in the cultural stream of Modern times. *Bulletin of Mininsky University*, 1 (10). Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1334/877> (accessed 21.08.2022). (In Russ.).

Danilova, A. I. (2010). Traditions of dualism in Russian Orthodoxy. *Theory and practice of social development*, 4: 79—81. (In Russ.).

Esipov, G. V. (1880). *People of the old Century. Stories from the cases of the Preobrazhensky Order and the secret Chancellery*. Saint Petersburg: A. S. Suvorin Printing House. 445 p. (In Russ.).

- Gorchakov, M. I. (1891). Inquisition in the Eastern Church. *Legal Chronicle*, 12: 491—504. (In Russ.).
- Grekulov, E. F. (1964). *Orthodox Inquisition in Russia*. Moscow: Nauka. 168 p. (In Russ.).
- Ivanov, P. I. (1850). *Description of the State Archive of old cases*. Moscow: S. Selivanovsky Printing House. 296—299. (In Russ.).
- Kantorovich, Ya. A. (1990). *Medieval witch trials. Reprint. reproduction of the 1899 edition*. Moscow: The book. 221 p. ISBN 5-212-00575-2. (In Russ.).
- Kostomarov, N. I. (1860). An essay on the domestic life and customs of the Great Russian people in the XVI and XVII centuries. St. Petersburg: Printing house of K. Wolfe. 214 p. (In Russ.).
- Lavrov, A. S. (2000). Witchcraft and religion in Russia 1700—1740. Moscow: Drevlekhra-nishche. 75—89. (In Russ.).
- Levin, Iv. (2004). *Duality and folk religion in Russia*. Moscow: Indrik. 216 p. ISBN 5-85759-284-4. (In Russ.).
- Novombergsky, N. Ya. (1907). *Medical structure in pre-Petrine Russia*. Tomsk: Steam typo-lit. Sib. t-va pech. Dela. 502 p. (In Russ.).
- Orlov, M. A. (1904). *The history of human relations with the devil*. St. Petersburg: P. F. Pan-teleev Printing House. 344 p. (In Russ.).
- Pokrovsky, N. N. (1984). *Journey for rare books*. Moscow: Book. 192 p. (In Russ.).
- Semevsky, M. I. (1884). *Essays and stories from Russian history. Word and deed!* St. Peters-burg: V. S. Balashev Printing House. 382 p. (In Russ.).
- Semikopov, D. V., Zakhryapin, A. A. (2021). Europe as the “other” of the Russian historio-sophical consciousness: from the Middle Ages to the Modern. *Bulletin of the Mi-ninsky University*, 1 (9). Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1189/826> (accessed 23.08.2022). (In Russ.).
- Smilyanskaya, E. B. (2003). *Magicians. Blasphemers. Heretics: Folk religiosity and “spiritual crimes” in Russia of the XVIII century*. Moscow: Indrik. 462 p. ISBN 5-85759-250-X. (In Russ.).
- Sofronova, L. V., Khazina, A. V. (2020). “The Great Transition” by Bruce Campbell: a model of the global Middle Ages. *Dialogue with time*, 73: 424—429. (In Russ.).
- Sofronova, L. V., Khazina, A. V. (2021). Erasmus of Rotterdam on the religious schism in Bo-hemia (1518—1519): Concordia vs Tolerantia. *Dialogue with time*, 77: 109—123. DOI: 10.21267/AQUILO.2021.77.77.007. (In Russ.).
- Ustimenko, A. L. (2017). Folk religion of Russia: “between” paganism and Orthodoxy. *Values and Meanings*, 2 (48): 33—45. (In Russ.).
- Zabylin, M. (2014). *Russian people. Customs, rituals, traditions, superstitions and poetry. Re-print. reproduction of the 1880 edition*. Moscow: Institute of Russian Civilization. 688 p. ISBN 978-5-4261-0096-1. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 31.08.2022,
одобрена после рецензирования 21.10.2022,
подготовлена к публикации 04.11.2022.